

*Жилой комплекс «Горный хрусталь»
и все произошедшие в нем события —
вымысел автора. Как и все персонажи
этой книги.*

Часть I

Глава 1

Неопознанный летающий труп

Эва проснулась от собственного храпа. Раскатистого, громкого, kloчущего, с хрюканьем на вдохе и кряканьем на выдохе. Так мог храпеть столетний старик или гайморитчик, но только не молодая здоровая женщина, к коим Эва относилась. Но она храпела! После не очень удачной ринопластики позорное хрюканье-кряканье вылетало из нежного Эвиного рта каждую ночь. Позорное, потому что эти раскатистые трели не вязались с ее имиджем САМОЙ ПРЕКРАСНОЙ ЖЕНЩИНЫ НА СВЕТЕ и титулом БОГИНИ, присваиваемым ей из года в год читательницами журнала «Эль».

Эва привстала с кресла, чтобы проверить, не слышал ли кто жутких звуков, но, на ее счастье, все пассажиры самолета спали. С облегчением переведя дух, она опустилась обратно на сиденье, наклонилась, чтобы поправить плед, сползший на пол, и тут же уперлась огромными силиконовыми грудями в спинку впереди стоящего кресла.

«Черт, черт, черт! — выругалась Эва мысленно. — Зачем я согласилась на эти дыни? Со среднестатистическим вторым было бы гораздо удобнее!» Но Дуда, ее агент и лучшая подруга, настояла на четвертом, внушив своей подопечной мысль о том, что если она с возрастом поправится хотя бы на пару килограммов, то со своим вторым будет по-

хожа на клизму. А так как Эва всю жизнь мечтала иметь фигуру под названием «песочные часы», то согласилась на кошмарные по размеру имплантаты. Теперь мучается!

Стоило Эве втиснуть свои груди между креслом и коленями и схватить наконец плед, как к ней на плечо опустилась рука с устрашающе длинными, матово-черными, украшенными стразами ногтями.

— Дуда, как ты меня напугала! — выдохнула Эва, хватаясь за сердце. — Ты чего бродишь?

— Я должна тебе кое-что сказать... Что-то нехорошее...

— Ты слышала, как я храпела? — опасливо протянула она. — Или кто-то другой слышал?

Дуда отрицательно замотала головой и трагическим шепотом выдала:

— У нас страшное несчастье...

Зная, как Дуда любит драматизировать, Эва сразу решила, что «страшное несчастье» окажется всего лишь мелкой неприятностью, посему спокойно поинтересовалась:

— Что-то с гримом?

— Хуже, — выдохнула Дуда. — Пошли... Только тихо, чтоб никого не разбудить...

Эва осторожно сползла с кресла, шагнула в проход и пошла за Дудой в хвост салона.

Самолет, на котором они летели, был маленьким, поднимающим на борт не больше пятнадцати пассажиров. Принадлежал он компании «Дары Севера», специализирующейся на изготовлении и продаже меховых изделий, кои Эва должна была рекламировать в течение ближайшего года. Гонорар ей посулили немислимый, из-за чего она, собственно, и согласилась работать на малоизвестную фирму — в последнее время она сотрудничала только с гигантами косметической индустрии и сетью ювелирных магазинов «Диамант». Всякие мелкие заказчики, типа провинциальных шоколадных фабрик, пивных компаний из ближнего зарубежья, китайских фирм — производителей бытовой

техники, только мечтали о том, чтобы их товар рекламировала САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ ЖЕНЩИНА НА СВЕТЕ. Но они не могли себе этого позволить, так как Эва была не просто «вешалкой» или безликой куклой из каталога — она была богиней глянцевого журналов, властительницей душ фотографов и идиолом тысяч начинающих моделек...

Но генерального директора «Даров Севера» не смутил ни ее статус, ни сумма затребованного гонорара. «Нашей компании нужны именно вы!» — сказал он, подписывая контракт, где фигурировали цифры с шестью нолями. Было только одно условие, на котором заказчик настаивал: съемки рекламного ролика и фотосессия должны проходить в определенном месте, а именно в поместье владельца фирмы (расположенном не на севере, как следовало ожидать, а на юге: где-то в горах Кавказа). Как раз туда они сейчас и направлялись. Они — это Эва со своей привычной свитой и команда рекламщиков, к которым присоединилась то ли ассистентка, то ли секретарша хозяина фирмы. А так как вылететь пришлось в четыре ночи, все уснуло сразу после посадки, и теперь, идя по проходу в хвост салона, Эва слушала разнотональное похрапывание.

— Куда ты меня привела? — шепотом спросила Эва, закончив путь у туалета — именно он находился в хвосте салона. — В сортир?

Дуда, ни слова не говоря, взяла Эву за плечи, развернула на пол-оборота и подтолкнула к стоящему особняком креслу. На нем сидел мужчина, лицо которого скрывали длинные нечесанные волосы, упавшие с затылка на лоб и спускавшиеся до середины груди.

— Вот, — коротко сказала Дуда, ткнув в незнакомца пальцем.

— Что «вот»? Это наше страшное несчастье? Какой-то спящий божж? — Эва не без брезгливости покосилась на грязнущие джинсы мужчины и вытянутые резинки его несвежих носков. — Да, я понимаю, человек этот мало приятен, но зачем же драматизировать...

Дуда шагнула к мужчине, убрала с его лица волосы. И тут Эва увидела то, что так напугало подругу: огромную рану на шее, из которой на грудь натекло кровавое пятно, похожее на манишку. Зрелище было кошмарным!

— О господи! — Она отшатнулась. — Что с ним?

— Мертв.

— Конечно, мертв! — раздался за их спинами молодой мужской голос. — С такой раной долго не протянешь!

Когда Эва обернулась на голос, то увидела перед собой высокого парня с мелированным чубом и тщательно ухоженной щетиной — он вскочил с ближайшего кресла.

— Привет, — бодро проговорил парень. — Меня зовут Аполлон. Можно просто Пол.

Эва и Дуда растерянно кивнули. Аполлон же шагнул к покойнику и принялся рассматривать рану. По прошествии минуты он вынес вердикт:

— Подошли сзади, задрали голову, чиркнули по шее острым ножом... А вот и он! — Пол подошел к столику, уставленному посудой: тарелками, чашками, фужерами, графинами, в одном из них, наполненном апельсиновым соком, рукояткой кверху торчал нож. — Для резки фруктов... Самый острый из имеющихся в наличии...

Дуда потянулась к рукоятке, чтобы рассмотреть орудие убийства, но Пол перехватил ее руку:

— Нельзя! Вдруг остались отпечатки!

— Да, действительно, — растерянно протянула Дуда, отдергивая руку. — Я не подумала об этом...

— Вы знаете, кто этот чувак? — спросил парень, указывая на тело.

Дуда наклонилась к мертвецу, отдернув штору из волос, посмотрела в его лицо и покачала головой:

— Нет, он не из нашей команды.

— И не из нашей.

— А вы, собственно, кто? — Дуда смерила Пола не очень почтительным взглядом. — Стюард, что ли?

— Я модель, — с достоинством изрек тезка греческого бога. — Но временно работаю менеджером в «Мехах России».

— В качестве кого же вы летите? — подала голос Эва. — Модели или менеджера?

— Понимаете, в чем дело... — Он облизнул языком пухлые губы. — Наша хозяйка...

— «Дарами Севера» владеет баба? — не поверила своим ушам Дуда. — А мне сказали, какой-то старый английский хрыч...

— Он умер в прошлом году. И фирма перешла по наследству его жене — Элене Рэдрок.

— Она тоже англичанка?

— Понятия не имею. Я ее ни разу не видел. Даже на конкурсе красоты ее не было — вместо себя помощницу прислала. Очкастую такую... Она и сейчас с нами... — Он пошарил взглядом по салону и, отыскав глазами спящую в одном из кресел их ассистентку, добавил: — Вон она.

— А что за конкурс? — любопытствовала Дуда. — И почему ваша хозяйка должна была на нем присутствовать?

— Потому что именно она решила провести его. Дала указания генеральному, чтоб устроил конкурс красоты среди работников фирмы. Главный приз — тысяча долларов и возможность сняться в рекламе с самой Эвой...

— И ты, значит, его выиграл?

— Да! Теперь главная мужская роль в клипе моя.

— Я что-то не припомню, чтобы в сценарии фигурировал какой-то парень... — Эва вопросительно посмотрела на Дуду. — А ты?

— А я помню. Во втором эпизоде тебе должен подать шубу слуга-якут. Он, наверное, будет его играть.

— Кого-кого я буду играть? — хмуро переспросил Пол.

— Чукчу из обслуги.

— Мой дедушка-грузин перевернется в гробу, — про-
стонал он.

— Так ты грузин?

— Да. По отцовской линии. Моя фамилия Горидзе.

— А имя почему греческое?

— У меня деда Аполлоном звали. И его деда. Так что ни-
какое оно не греческое. Обычное грузинское имя...

Тут женщина, спящая в ближнем кресле, завозилась, и Пол резко замолчал. Приложив палец к губам, он приказал Эве с Дудой последовать его примеру. Девушки послушно притихли, стараясь даже дышать через раз. Когда пассажирка уgomонилась, Пол заговорил почти беззвучным шепотом:

— Значит, вы не знаете, кто наш жмурик?

— Я понятия не имею, откуда он взялся в самолете, —
ответила Дуда. — Я знаю всех ребят из съёмочной группы,
он не с ними...

— Он не с ними, не с вами, не с нами, тогда с кем?

Эва призадумалась. В отличие от Дуды она не смогла бы узнать каждого из членов съёмочной группы (все осветители и помрежи были для нее на одно лицо), но верила ей на слово. Значит, мертвый парень не рекламщик. И не представитель заказчика, за это поручился Пол. Не стилист, не парикмахер, не костюмер, не инструктор по йоге — уж своих-то придворных супермодель знала прекрасно, как-никак не первый год таскает за собой во все поездки. Кто остается? Команда: два пилота и стюардесса... Мертвец точно не стюардесса, но и на пилота не тянет. Значит, какой-нибудь механик или техник.

— Может, он член экипажа? — озвучила свое предположение Эва. — Какой-нибудь механик...

— Не смеси мои коленки! — фыркнула Дуда. — Его лохмы и фени на запястье говорят о принадлежности к божьей... И руки у него нежные, как у пианиста! Или фотографа...

— Я поняла, — выдохнула Эва. — Как ты про руки фотографа сказала... Это новый ассистент Матильды. Как мы про нее-то забыли?

— Кто такая Матильда? — встрял Пол.

— Фотограф. У нее жуткий характер, вот от нее все помощники и бегут. С ней никто не хочет работать еще и потому, что платит она мало, а требует много, в том числе секса после каждой фотосессии...

— Для ассистента наш жмурик староват, — засомневалась Дуда. — Ему далеко за сорок!

— А мне показалось, не больше тридцати, — сказал Пол.

— У него просто рожа детская. Но башка вся седая, и морщин полно.

— Когда только разглядеть успела? — поразилась Эва.

— У меня глаз — алмаз, сама знаешь.

— Я тоже не могу пожаловаться на зрение, но лица я даже не увидела... Эта рана... Я смотрела только на нее... — Эва шумно вздохнула. — Надеюсь, при жизни он был не очень красив... Мне особенно жалко молодых и красивых...

— Да какой там! — Дуда закатила глаза. — Толстощечный, небритый, нос пуговкой, а на щеке бородавка...

— Бородавка?

— Ну родинка висячая... — Она передернулась. — Гадкая такая! С волосами!

Услышав о волосатой родинке, Эва вздрогнула. Помнится, знавала она когда-то человека с подобной... Его звали Кешей. Он был отличным фотографом, ее другом и врагом — точнее, сначала другом, потом врагом. Насколько ей было известно, сейчас он сидит в тюрьме, но, кто знает, может, его выпустили...

— Дудочка, — осторожно спросила Эва, — а тебе лицо этого мертвеца не показалось знакомым?

— Показалось, знаешь ли... — Дуда с сомнением посмотрела на покойника. — Только не пойму, где я его раньше могла видеть...

— А ты посмотри еще раз, — предложил Пол. — Вдруг узнаешь...

— Правильно, — кивнула головой Дуда.

Она подошла к покойнику, убрала с его лица волосы и, придерживая их рукой, стала рассматривать мертвые черты.

— Нет, не знаю, — досадливо протянула она. — Знакомое что-то... Но никак не могу вспомнить, где видела... Может, когда на съемках пересекались...

— Пусть Эва тоже посмотрит, — внес очередное предложение Пол. — Не исключено, что у нее память лучше...

— Нет, нет, нет, — запротестовала Эва. — Я не хочу! Это так ужасно!

— Надо, девочка моя, — отрезала Дуда, отходя в сторону и указывая на лицо покойника. — Что скажешь?

— Какая кошмарная рана...

— Да ты не на нее смотри! А на физиономию!

Эва перевела взгляд на лицо мертвеца. Полное, довольно приятное, морщинистое у глаз, с безвольным подбородком, покрытым мягкой желтоватой бородачкой, с маленьким ртом, выпуклой родинкой...

— Я знаю его, — прошептала Эва, разглядев все черты до единой. — Он сильно изменился, постарел, потолстел, но я узнаю его...

— И кто это? — с любопытством спросил Пол.

— Это Кеша. Человек, который сделал из меня БОГИНЮ...

Глава 2

До того, как стать БОГИНЕЙ

Эва не родилась красавицей — синюшный комочек с тонюсенькими ножками пугал своей чахлостью даже мать. И ребенком она была посредственным: худым, головастым,

часто моргающим. Подросток из нее вышел и того хуже: длинный, нескладный, угловатый, с прыщами на лбу. Вступив в пору половой зрелости, Эва немного расцвела — округлилась, помилела, лицо очистилось. Свое совершеннолетие разменяла уже в статусе «приятной девушки», коей оставалась до двадцати одного года, то съезжая к «дурнушке», то подтягиваясь к «симпатяге».

Родилась и выросла она в Митине. Окончив школу на четверочки, поступила в педучилище (там был самый маленький конкурс, вот и пошла), отучилась в нем два года, защитила диплом. Получив корочки на руки, забросила на самую верхнюю полку антресоли и больше о них не вспоминала. Преподавание оказалось не ее призванием. А что было ее, она и сама не знала. Ребенок без талантов — так о ней говорили все, включая отца, который сам отличался чрезмерной одаренностью: и рисовал, и играл на гитаре, и пел, и пек самые вкусные на свете пироги. Но Веля (именно так ее звали родные) пошла в мать, на редкость бездарную женщину, однако в отличие от нее была весьма посредственна внешне: матушка отличалась небывалой привлекательностью, за что, собственно, ее любил муж, а также сосед по лестничной клетке, к которому она в итоге ушла от своего талантливого супруга...

Веля окончила училище в девятнадцать. Два года сидела у родителей на шее, подрабатывая распространением биодобавок, пока мать не пристроила ее в косметический магазин своей старой приятельницы.

Магазин только готовился к открытию. Продавщицы пока расставляли товар по полочкам, а его хозяйка Маргарита Павловна занималась организацией презентации, на которую, кроме гостей, пригласила еще и профессионального фотографа.

В день открытия продавщицам выдали униформу: хорошенькие корсетные платица и цветные парики. Веле достался черный. А так как от природы она была желтогла-

зой шатенкой, то смоляные волосы ужасно не шли к ее бледному лицу. Пришлось девушке ярко накраситься: нарисовать брови, обвести глаза, а губы сделать вишневыми. Сделав непривычный макияж, Веля встала перед большим зеркалом и, внимательно рассмотрев свое отражение, констатировала:

— Я стала похожа на проститутку...

— Ты стала похожа на человека, — не согласилась с ней одна из коллег. — Тебе очень идет. Посмотри, когда акцент на глазах и губах, незаметно, что у тебя длинный нос!

— Только с грудью надо что-то сделать, — подала голос другая. — Корсет предназначен для того, чтобы утягивать талию и поднимать грудь. С талией у тебя все в порядке, а вот поднимать нечего...

— И что же делать? На пластическую операцию нет ни денег, ни времени...

— Ничего... Мы тебя сейчас за две минуты прооперируем. И совсем бесплатно. — Она отстегнула от своей кофточки плечики, сунула их в вырез Велиного платья со словами: — Поролон — это силикон для бедных! Рекомендую...

Веля хотела вытряхнуть из выреза этот «силикон», а лицо умыть, но тут в подсобку заглянула Маргарита Павловна и зычно крикнула:

— Девки, на выход! — Увидев, что Эвелина замешкалась, она рявкнула: — И быстро! Фотограф ждет!

Он и вправду ждал: стоял в зале с нацеленным фотоаппаратом. Аппарат был отличным («Никон» с большим объективом), а фотограф плохеньким: щуплым, маленьким, с куцым хвостиком на затылке, желтоватой щетиной, бледным ртом, близорукими глазами и противной волосатой родинкой на щеке... И одет был как-то бедно: в джинсики потертые, кеды стоптанные, рубашонку фланелевую и куртку из кожзама. Даже не верилось, что он профессио-

нальный фотограф экстра-класса (именно так отрекомендовала его Маргарита Павловна).

— Ну-ка, девицы, улыбнитесь! — вскричал он, увидев девушек сквозь призму фотоаппарата. — Дядя вас щелкнет!

«Девицы» послушно растянули рты. И только Эвелина сомкнула губы и отвернулась — она не любила фотографироваться. Но она все же попала в кадр! И в тот миг, когда изображение неумело покрашенной продавщицы перенеслось на пленку, колесо Фортуны со скрипом повернулось в Велину сторону. Судьба ее была предрешена. Теперь ей оставалось подождать два дня, чтобы узнать об этом...

* * *

Когда Эвелина пришла на работу после выходных, ее сразу позвала к себе в кабинет Маргарита Павловна.

— Ну, девонька, поздравляю, — сказала она, как только Веля появилась на пороге. — Тобой заинтересовался фотограф... — Маргарита Павловна кинула через стол глянцевый снимок. На нем была изображена сурово нахмуренная Эвелина. — Сказал, что у тебя необычное лицо. Просил тебя приехать к нему в студию. — Она перевернула фотографию, на обратной стороне которой обнаружилась запись, и ткнула в нее пальцем: — Вот адрес. Поезжай прямо сейчас. Я тебя отпускаю.

— Но это какая-то ошибка...

— Я тоже так думаю. Но съездить ты должна. Я этому заморышу с «Никоном» обещала... Так что дуй давай! — Она махнула рукой. — Но завтра чтоб была на работе!

И Веля дунула.

Студия располагалась на станции метро «Первомайская». В грязно-желтом девятиэтажном доме, что стоял в двух шагах от подземки.

Веля зашла в первый подъезд, поднялась на последний

этаж, постучала в дверь под номером 36 — звонка она обнаружить не смогла.

Открыли не сразу, а только спустя несколько минут.

— Кого тебе? — неприветливо спросил хозяин квартиры, вырисовываясь на пороге.

— Вас, — растерянно протянула Веля.

— Ну и чего тебе от меня надо?

— Вы хотели видеть вот эту девушку? — спросила она и показала ему свою фотографию.

— Хотел, а тебя на кой черт прислали? Сказать, что она не сможет прийти? Так можно было бы позвонить...

— Она — это я.

— Не понял...

— На снимке я! — Веля стукнула себя кулаком в грудь. — Я, понятно?

Фотограф отошел на шаг, прищурился.

— Не может быть, — отрезал он. — Я знаю, что некоторые дурнушки могут прекрасно получаться на фото, но чтоб такая серая мышь выглядела королевой...

Обиженная Эвелина развернулась, чтобы уйти, но фотограф схватил ее за локоть и втащил в квартиру.

— Тебя как зовут? — спросил он, едва девушка оказалась в прихожей.

— Эвелина.

— Давно себе такое имя придумала? — хмыкнул он.

— Меня так зовут, хотите, паспорт покажу?

— Хочу.

Веля сунула ему в нос свой паспорт.

— Ну вообще... класс! — выдохнул неверующий фотограф, изучив все его страницы. — Эвелина! Готовый псевдоним для модели... А меня Иннокентий... Можно Кеша и на «ты».

— Очень приятно, — буркнула Веля.

А Кеша тем временем нырнул в комнату и крикнул уже оттуда:

— Иди сюда! Сейчас фотографироваться будем...

Веля проследовала за Кешей в пятнадцатиметровое помещение, уставленное диковинной аппаратурой.

— Это мое фотоателье, — сказал Кеша, кидаясь к треноге, на которой был закреплен давешний «Никон». — Я сейчас ищу новое лицо. Те девушки, которых все снимают, до того похожи, что смотрятся как сестры... Банальные красотки всем надоели. Посмотри, что на Западе творится. Евангелиста, Терлингтон, Кэмпбелл — они небезупречны, но как хороши! Линда вообще не женщина, а сказка! В жизни такая никакая, но на фото... Богиня! — Кеша выставил свет, приладил какие-то зонтики, очень похожие на те, с которыми старушки ходят летом, чтобы спрятать свои морщинистые лица от солнца. — А у меня сейчас заказ от фирмы, производящей бижутерию и прочие аксессуары... Побрякушки у них экзотические: всякие перья, железяки витые, куски кожи. Их должна рекламировать особая девушка. Непохожая на всех... — Он указал Веле на стул, стоящий в центре освещенного пятачка: — Садись.

Она села.

— Я сейчас «Полароидом» щелкну, чтоб на пробу... Потом посмотрим, стоит на тебя пленки тратить или нет. — Он вскинул фотоаппарат. — Распусти волосы, прими непринужденную позу... Так. Не улыбайся, только приоткрой рот...

Веля сделала все, как велели. Послышался щелчок, затем вжиканье — это выехал снимок. Спустя минуту раздался недовольный Кешин голос:

— Так я и знал...

— Что? Плохо? — взволнованно спросила Веля.

— Отвратительно, — отрезал он. — Может, дело в цвете волос, ты же брюнеткой была... Или в макияже... Сейчас проверим...

С этими словами он бросил в руки Эвелины косметичку и скомандовал:

— Накрасься, как в прошлый раз, а я пока тебе парик найду.

Веля быстренько «нарисовала лицо», а Кеша, не нашедший парика, натянул ей на голову черную шляпу. После этого он отошел на шаг назад и придирчиво осмотрел потенциальную модель.

— Уже лучше, — резюмировал он. — Но женщина с таким чувственным лицом не может иметь нулевой размер. — Он кивнул Веле: — У нас ведь нулевой?

— Первый, — обиделась она.

— Не надо себе льстить, девушка. Нулевой!

— Я лучше знаю какой. Я же себе лифчики покупаю, а не вы!

— Ладно, без разницы. Нам нужен минимум второй. Силикончику бы тебе закачать...

— Поролон — силикон для бедных, — процитировала Веля коллегу. — Рекомендую... — И, вытащив из-под бретелек лифчика плечики, засунула их в чашечки.

— Отличненько! — обрадовался Кеша. — Теперь можно снимать!

И фотосессия началась!

* * *

Вновь с Кешей Веля увиделась спустя неделю.

— Как дела? — спросил он, влетев в магазин и остановившись у прилавка, за которым Эвелина стояла.

— Нормально, — сказала она, пожав плечами. — А у тебя?

— А у меня отлично! — Кеша зачем-то схватил ее за плечи, притянул к себе и смачно чмокнул в губы. — У тебя, между прочим, тоже! Скоро ты станешь богатой и знаменитой! Тебя выбрали из сотни других девушек. С тобой хотят заключить контракт! Ты станешь новым лицом фирмы «Чанг», фирмы, которая производит самую модную бжу-

терию и открывает в Москве свой первый магазин. — Он возбужденно потер руки. — Так что пиши заявление об уходе.

— Но зачем же сразу уходить? Разве нельзя сниматься без отрыва от работы? Я могла бы приходить в твою студию в свои выходные...

— Нет! Мы не можем тратить драгоценное время на всякую ерунду! Тебе двадцать один, это очень много. Некоторые в этом возрасте уже заканчивают. А ты начинаешь, у нас каждый день на счету! — Он кинул ей ручку. — Пиши, ты не пожалеешь! Завтра у тебя начнется новая жизнь!

Она накорябала (руки безбожно тряслись) заявление об уходе, обалдевшая Маргарита его тут же подписала. И Веля ушла из магазина, чтобы никогда туда не возвратиться.

На следующий день новая жизнь действительно началась. Причем с еще одной Велиной подписи — на контракте, согласно которому Иннокентий Сидорович Станков становился ее продюсером.

— Я тиран и деспот, — сразу предупредил он. — Я буду контролировать каждый твой шаг, но знай, что это только для твоего блага. У нас общая цель — сделать тебя БОГИНЕЙ, а для этого надо много работать и слушать дядю Кешу.

Она была согласна и на то и на другое, уж очень хотелось стать БОГИНЕЙ.

* * *

Съемки для «Чанга» начались через неделю. Прошли они без особых проблем, так как Кеша в студию не допустил ни единого человека (даже свет выставял сам), парикмахеры и стилисты готовили модель в отдельной комнате, на съемочную площадку им вход был заказан. Делалось это не только для того, чтобы лишний раз не нервировать Эву, но и по другой причине — Кеша боялся, как бы посторон-

ние не заметили ее неопытности. Он раззвонил всем о том, что Эва два года проработала в Бразилии, имела там огромный успех, а в Россию приехала лишь из любви к нему, Иннокентию Станкову, и фирме «Чанг».

На самом же деле Кешу раздражала неопытность модели. Он то и дело покрикивал на нее, обзывал «коровой», а иногда бросался к ней, дабы поставить ее так, как ему хотелось и как она сама встать не могла.

— Запоминай все, что тебе говорю, — твердил он, щелкая фотоаппаратом. — Запиши, если память дырявая, и выучи, как Талмуд...

— Как я запишу, если я позирую?

— Сделай это после съемки... Возьми тетрадочку, ручечку с двумя пастами, одной будешь писать, другой подчеркивать... И не сиди так! — кричал он, забыв о спокойном учительском тоне. — У тебя нулевой, а ты еще сутулишься! Грудь вперед, и сожми немножко ее предплечьями, чтоб ложбинка появилась... Вот так! А лицо запрокинь. Помни, с таким носом, как у тебя, нельзя опускать подбородок! Вспомни фотографии Марлен Дитрих. Или Плисецкой. Эти женщины знали, как повернуться к камере, чтобы их носы казались греческими...

Эва послушно запрокидывала лицо, распрямляла спину, сжимала груди, но Кеша все не отставал:

— Не улыбаться! Рот приоткрыть, чтобы зубы поблещивали, и все! Когда ты лыбишься, у тебя кончик носа опускается, как у курицы, неужели ты этого не замечала? Стоп! Вот так замри! — Он истово жал на кнопку. — Отлично! Просто здорово! Когда ты злишься, ты становишься похожей на кошку! Я запомню это. Запомни и ты!

И она запоминала. Каждое Кешино слово, каждый поворот своей головы, каждую мысль, проносющуюся в ней, — оказывается, мысли тоже играют свою роль.

Получив первый гонорар от «Чанга», Кеша снял квартиру в центре. Состояла она из трех комнат: гигантского

зала-студии и двух маленьких спален. В одной поселилась Эва, в другой Кеша, чтобы контролировать каждый шаг своей подопечной.

Второй заказ на фотографии Эвы Кеша (согласно контракту только он имел право снимать ее) получил через месяц. Третий спустя неделю. Четвертый сразу же за третьим... Пятый был поистине фантастическим: портрет для обложки модного женского журнала; шестой неожиданным: фотосессия на промышленной свалке для мужского журнала; седьмой победоносным: «Чанг» поручил Эве рекламировать сумки и перчатки. Таким было начало, продолжение оказалось еще более триумфальным.

Спустя полгода «Чанг» заключил с Эвой долгосрочный контракт, что обеспечило молодой модели и ее продюсеру стабильный доход в течение трех лет. При этом девушка своих денег не видела. Кеша не давал ей ни копейки! То есть все гонорары он сразу пускал в дело: покупал новую аппаратуру, реквизит, платил за квартиру, продукты, машину, взятую в аренду у какого-то знакомого. Когда Эва робко просила у него пару сотен на мелкие расходы, он показывал ей кукиш. И даже средства личной женской гигиены покупал сам!

* * *

Прошло три года.

За это время Эва стала самой модной фотомоделью России. А так как она не тусовалась, не светилась, не мелькала, не давала интервью, то и самой загадочной. Дама-фантом, именно так ее стали называть журналисты. Некоторые предполагали, что Эва не реальная женщина, а компьютерная программа — виртуальная девушка, типа Лары Крофт. Другие считали ее фотомонтажом (губы Клаудии, нос Кристи, глаза Линды, скулы Наоми), третьи продуктом пластических хирургов наподобие Майкла Джексона.

И все они осаждали Кешу, уговаривая продюсера явить миру свое чудо. Но он только посмеивался и кормил прессу «завтраками». В итоге кое-кто из журналистской братии решил, что Эва психбольная (свихнувшаяся после конкурса красоты, на котором она заняла лишь второе место), что ее держат в элитном дурдоме, выпуская только на несколько дней, чтобы сфотографировать.

А между тем Эва жила все в той же маленькой комнатке квартиры-студии. Личной жизни у нее не было — Кеша запретил ей встречаться с мужчинами. Нервотрепки, стрессы, недосыпания, связанные с отношениями, могли плохо сказаться на ее внешности. А незапланированная беременность на карьере!

За эти годы Эва практически не изменилась — оставалась все той же приятной, неброской девушкой с хвостом каштановых волос на затылке, зато Кеша похорошел. Он стал модно одеваться, регулярно бриться в парикмахерской, купил себе перстень, запонки, портсигар и величать себя приказал не Кешей, даже не Иннокентием, а И-Кеем. И на своих визитках велел отпечатать: «Продюсер. Фотограф. Царь и Бог. И-Кей». Вместе с именем поменялся и стиль его жизни. Теперь бывший Кеша пил только коньяк, курил сигары и кальян, девочек водил не в смежную с Эвиной спальню, а в отдельную квартиру, снятую специально для свиданий. Он стал играть на бирже. Ходить в гольф-клуб. И что самое поразительное — подавать нищим.

Лишь в одном он не изменился — по-прежнему не давал Эве наличных денег. Все, что она зарабатывала, тут же превращалось в вещи, продукты, украшения. Теперь Эва имела квартиру, машину и кучу акций какого-то холдинга. Правда, в квартиру Кеша временно поселил какого-то своего родственника, на автомобиле «Мицубиси Паджеро» гонял сам, а акции, которых девушка в глаза не видела, хранил в банке. Зато у нее была полная шкатулка драгоценностей — их господин продюсер покупал с каждого гонорара.

Цепочки, кольца, колье, серьги, они лежали в сейфе их квартиры-студии, грея душу своей хозяйки. Она тешила себя мыслью, что, если ей когда-нибудь захочется бежать из своей комфортабельной тюрьмы, будет что прихватить с собой...

Как-то вечером Кеша прибежал домой в неопишемом волнении. В его руках была зажата газета «Комсомольская правда», которой он остервенело размахивал над головой.

— Я нашел ее, нашел! — вскричал он, кидаясь к Эве.

— Кого? — не поняла она.

— Еще одну БОГИНЮ! Смотри! — Он развернул газету и сунул ей под нос цветную фотографию, отпечатанную на последней странице. На ней была изображена миниатюрная черноволосая татарочка, очень симпатичная, яркоглазая, скуластая, большеротая. Эве она понравилась, но она решительно не понимала, почему Кеша назвал ее богиней. — Смотри, какая красotka! Просто ацтекская богиня!

— Миленькая, — промямлила Эва, ощутив даже не укол, а скорее удар ревности.

— Ну ты скажешь! Она не миленькая, а обалденная! Сногшибательная! Божественная! Я должен заполучить ее, пока этого не сделал кто-то другой!

— «Заполучить», это как?

— Привезу ее сюда и стану лепить из нее богиню... Как когда-то из тебя.

— Ка-ка-как из меня? — заикаясь, проговорила Эва.

— Пока открыл только тебя! За четыре года создал лишь одну БОГИНЮ! Меня уже прикалывают журналисты. Есть, говорят, артисты одной роли, а И-Кей создатель одной звезды. Он, наверное, уже и снимать разучился. Эву сфотографировать любой дурак сможет, она же безупречна хороша! Это ты-то хорошая! Да знали бы они...

Тут в кармане его пиджака запиликал мобильный телефон (жутко дорогая модель, привезенная из Швеции его партнером по гольфу). Кеша поднес его к уху и сказал

«Слушаю». Разговор продлился не больше минуты, а закончился раздраженным возгласом Кеши: «Вот черт!»

— Что случилось? — участливо спросила Эва.

— Да кастинг, будь он неладен! Фирма «Шик» ищет девушку для рекламы мыла. — Он убрал телефон в карман и с сожалением покачал головой. — Деньги сулят хорошие, но кастинг днем, а я улетаю утром...

— Ну так давай я схожу без тебя...

И-Кей муро глянул на свою подопечную и с тяжким вздохом сказал:

— Не хотел бы тебя отпускать, да уж больно жаль заказ терять...

— Ура! — возопила Эва.

— Только без самостоятельности, — строго предупредил И-Кей. — Фотографировать себя ни в коем случае не давать! Это самое главное! — Он нахмурил брови, соображая, что бы еще запретить. — И помни — никаких задуманных разговоров с модельками! Они потом такое про тебя наплетут, век не отмоешься.

* * *

Придя в помещение бизнес-центра, где проходил кастинг, Эва расстроилась: на креслах, стульях, стульчиках сидела такие красотки, что она на их фоне казалась себе самой просто коровой. Юные нимфы с нежными лицами, точеными фигурками, сногшибательными улыбками чувствовали себя непринужденно: болтали, хихикали, показывали друг другу свои портфолио, делились новостями и сплетнями (в том числе и о ней). Многие были со своими родителями, некоторые с менеджерами, двое пришли с любовниками — толстопузыми «папиками» в дорогих костюмах. На Эву они взглянули лишь мельком — когда она вошла, ни одна ее не узнала, что, собственно, порадовало. Единственная девушка, которая отреагировала на ее появ-

ление многозначительным кивком, была, скорее всего, не моделью, а агентом или менеджером (для модели она была старовата и чересчур ярка), остальные не удосужились даже улыбнуться — она была чужой в этой стае и самой взрослой.

Просидев у стеночки минут двадцать, Эва заскучала и от нечего делать начала рассматривать яркоперую агентшу. Дама эта была очень колоритной: высоченной, длинноногой, с копной баклажановых волос, с серьгой в носу, с кричащим макияжем, одетая в черные кожаные штаны, желтую футболку и белые ботфорты. На вид ей было лет тридцать пять. Без боевой раскраски она наверняка выглядела бы очень милой.

— Вы ведь Эва? — спросила дама, поймав на себе Эвин взгляд.

— Да. Как вы меня узнали?

— У меня глаз — алмаз! — Она подмигнула. — Но вообще-то вы совсем на себя не похожи... Масть не та, фигура. Но я вас по взгляду и узнала... Кстати, меня зовут Дуда, я хозяйка малюсенького модельного агентства. Вот своих двух девочек сюда привела... А куда делся ваш продюсер? Обычно он является на кастинги!

— Кеша уехал в Казань открывать новую звезду.

— Зачем ему еще кто-то, если есть вы? — спросила Дуда, приподняв тонкую смоляную бровь.

— Та девочка очень красива. Похожа на ацтекскую богиню.

— Хоть на греческую. Лучше Эвы он все равно не найдет. Такие удачи бывают только раз в жизни... — Она приблизила свое смуглое лицо с яркими голубыми глазами к лицу Эвы и доверительно сообщила: — Я уже полтора года ищу подобную вам девушку, но безрезультатно. Миленьких, славных, даже красивых полно, но ни в одной нет вашей изюминки, вашего невероятного магнетизма... — Дуда, прищурившись, посмотрела на Эву. — Что же такого

в вашем лице, что так завораживает? Я пересмотрела кучу ваших фотографий, пытаюсь понять, но так и не смогла...

— Просто у меня хороший фотограф.

— Нет, дело не в нем, а в вас, — уверенно заявила она. — Вы — БОГИНЯ!

— Спасибо, конечно, но поверьте, без Кеши...

Дуда не дала ей договорить, перебила:

— Так, у меня предложение! Свалить отсюда прямо сейчас. Здесь неподалеку есть отличный паб, предлагаю закатиться туда. За пивком разговор пойдет душевнее.

— Но как же... — растерялась Эва. — Как же кастинг?

— Наплюем! Мои девочки и без мамы Дуды справятся, а вам тут вообще делать нечего...

— Почему?

— На главную роль уже утверждена любовница хозяйки фирма. Какая-то певичка. Сейчас девочек для массовки набирают. Вы ведь в массовку не хотите?

— Нет.

— Я так и подумала. — Она встала, потянула Эву за руку. — Пошли, я угощаю.

— Но что я скажу Кеше?

— Скажешь как есть. — Дуда подозвала одну из своих подопечных, пошептала с ней, затем помахала второй и направилась к двери, таща Эву за собой, как какую-нибудь козу. — Или вообще ничего не скажешь, ты же не обязана перед ним отчитываться.

«Еще как обязана», — хотела сказать Эва, но промолчала. А Дуда все трещала, рассказывая то о своем бизнесе, то о личной жизни, то о детских мечтах, говорила быстро, отрывисто, перемежая речь матерком, сыпала вопросами, ответы на которые не дослушивала, перебивая Эву и саму себя. За десять минут, что они шли до паба, она успела поведать новой приятельнице свою биографию, начиная с первых шагов и заканчивая последним контрактом с французами. Оказалось, Дуда родилась в Сибири, приехала в

Москву, чтобы поступить в МГУ, но провалилась на первом же экзамене, после чего подала документы в ПТУ, отучилась на маляра, уехала обратно на Север, в столицу вернулась через два года, устроилась штукатуром на стройку, но на дискотеке ее заметил представитель модельного агентства, пригласил поработать на подиуме, она согласилась. Так Дуда из маляра превратилась в модель.

— Долго ты работала манекенщицей?

— Семь лет. Утюжила языки Милана, Парижа, Токио, о Москве и Питере уж и не говорю... Меня Кензо обожал, Валентино хотел сделать лицом своего Дома моды.

— И что же помешало?

— Я на полгода выпала из бизнеса, а когда вернулась, оказалась никому не нужной...

— За полгода тебя успели забыть?

— Дело не в этом... — Она помялась. — Понимаешь, в чем дело... Я изменилась за это время. Сильно изменилась.

— Сделала пластику?

— И ее тоже... Я знаешь раньше как выглядела?

— Как?

— Видела рекламу водки «Бизон»?

— В которой парень превращается в зверя?

— Именно.

— Конечно, ее крутили по всем каналам. Очень интересная реклама. И парень в ней обалденно красивый. — Эва томно вздохнула, она какое-то время была в этого бизона немного влюблена. — Голубоглазый брюнет с ямочками на щеках... Чудо, а не мужчина.

— Ну вот.

— Что «вот»?

— Я именно так и выглядела. — Дуда широко улыбнулась. — Тот голубоглазый брюнет и есть я.

— Но ты же... женщина.

— Сейчас да, а тогда была мужиком. Меня звали Эдуардом Костериным.

— А теперь? — тупо спросила Эва.

— А теперь я Эдуарда. Настоящая женщина... Я с самого рождения была ею, только этого никто не хотел замечать... Теперь же ни у кого нет сомнений.

— Ты изменил... ла пол?

— Совершенно верно. И вот уже два года являюсь гражданкой Костериной.

— Обладеть можно! — только и смогла сказать Эва.

— Вот все, как ты, и обалдели, а я работы лишилась. Пришлось спешно переквалифицироваться... Хорошо, что связи остались, и денег я заработала прилично — открыла модельное агентство. Работаю. Дела потихоньку идут. Одно плохо — нет у меня звезды типа тебя... Ищу, ищу, а все какие-то пустышки попадаются... — Она хитро посмотрела на Эву и весело спросила: — А ты никогда не хотела сменить агента?

— Нет.

— Почему?

Вопрос застал Эву врасплох, так что она не нашлась что ответить, но Дуда заполнила паузу очередным предложением:

— Пошли своего И-Кея подальше, найми меня. Я же вижу, как он тебя подавляет. Диктует тебе свои условия, при том что это должна делать ты. Ты — звезда. Ты — талант. А он всего лишь твой агент.

— Он мой продюсер.

— Ты давно в продюсерах не нуждаешься, — отмахнулась Дуда. — Какой процент ты отстегиваешь И-Кею?

— Я не знаю...

— Ну ты даешь! — Она сокрушенно покачала головой. — Ты контракт хоть читала?

— Конечно, — соврала Эва, которая на него лишь мельком глянула. — Просто я забыла, что там написано...

— И на сколько он заключен?

— Я ж говорю, не помню...

— Придешь, прочти его, выучи, а лучше сними копию, проконсультируйся с юристом, правильно ли он составлен...

— К чему этот разговор?

— Я навела о тебе справки. Ты живешь затворницей во взятой внаем квартире вместе с продюсером. Никуда не ходишь. Не ездешь отдыхать. Не бываешь в ресторанах, на выставках, показах. Зато он ведет бурную светскую жизнь. Тратит бешеные бабки на клубы, девочек, машины...

— Зато он мне купил столько драгоценностей, что они в шкатулку не помещаются!

— А они точно настоящие? — поинтересовалась Дуда. — Мне думается, что нет!

Видя сомнение в глазах Эвы, Дуда предложила:

— Поехали к тебе домой. Вместе посмотрим на цацки — я разбираюсь, я сразу тебе скажу, подделка это или нет. Затем возьмем контракт и двинем к юристу.

Эва дала внутренним противоречиям потерзать себя еще пару минут, затем решительно сказала:

— Хорошо, поехали!

* * *

Оказавшись в квартире, Дуда первым делом осмотрела комнату Эвы, обозвала ее «казармой», после чего спросила:

— Где ты хранишь свои цацки? В обувной коробке? В вазе? Сахарнице? Горшке?

— В сейфе.

Дуда присвистнула:

— В этом доме и сейф имеется? Документы там же?

— По-моему, нет. По крайней мере, я не видела...

— Ничего, найдем.

Они двинули к стене, на которой висела безвкусная картина с нарисованными на ней фруктами: яблоками, гранатами, виноградом. За этим натюрмортом прятался сейф.